

Александр Громов

Багровые пятна

*Часть сборника
Звездная вахта (сборник)*

Александр Громов

Багровые пятна

«ЭКСМО»

1998

Громов А. Н.

Багровые пятна / А. Н. Громов — «Эксмо», 1998

Рассказ-гипотеза, повествующая о том, как появлялись у наших предков правила семейной жизни. Народы и племена, у которых сексуальные контакты никак не были регламентированы, попросту вымирали от повальных болезней, и ни сила, ни ловкость, ни охотничьи умения не могли им помочь. ©

Fantlab.ru

© Громов А. Н., 1998

© Эксмо, 1998

Багровые пятна

Доисторический рассказ

Когда тихоня Лям, вовсе еще не воин, а только подросток, в ожидании посвящения доказывающий свое право называться мужчиной, едва не упустил шест и, чудом сохранив равновесие на крохотном плоту, испуганно взглянул на старшего – не заметил ли? – Хаг и ухом не повел. Хотя, конечно, заметил. Глупый он детеныш, Лям. Уж лучше бы правил, пихаясь от берегов, благо, дотянуться шестом ничего не стоит. Где ему по одному только виду воды постичь и глубину протоки, и топкость дна, и где скрывается затонувший коряжник.

Приток большой реки, ограничивающей на восходе земли племени, петлял по болоту. Чистая холодная вода, ручейками скатившись с гряды недалежных холмов, собиралась в звонкую речку на покатых, бурых от прошлогодней травы лугах и, омыв гальку последнего переката, весело вбегала в ненадежные топкие берега. Здесь вода, одумавшись, сразу успокаивалась, делалась глубокой и темной и текла медленно, словно пробираясь ощупью. Берега, хотя и гиблые с виду, вполне могли выдержать тяжесть человека, в иных местах они заросли лозняком и корявыми березками. Отдельно возвышались оголенные стволы совсем не старых деревьев, задушенных болотом, – но все это у самого берега да еще на редких островках, кое-где видневшихся посреди болотного мха, прикидывающегося прочным, – а только наступи не обутом в ивовые плетенки, и ног не вытянешь.

Притом хилый, лениво подумал о Ляме Хаг, переворачиваясь на моховой лежанке на другой бок, отчего заскрипели сыромятные ремни, связывающие плот. Воином будет, а вождем – никогда. Оно, впрочем, и к лучшему.

К лучшему, потому что вождем станет он, Хаг. Уже сейчас его голос звучит наравне с голосом нынешнего вождя, и никто не решается оспорить. Уже сейчас по праву самого сильного мужчины племени он может первым заполучить любую женщину (тем более что последнее время стареющий Ауха почти вовсе перестал интересоваться бабами), а когда – совсем скоро – Ауха одряхлеет, никто не осмелится противиться Хагу. Право первой и лучшей доли в добыче – его. Право лишать невинности подростков сопликов, прошедших обряд посвящения. Право решать за других. Право быть лучшим, чем другие.

Так будет длиться долго – семь, восемь зим. Если подсобят хорошие духи, то все десять. Потом он состарится, как Ауха, и другой отберет у него власть. Пусть. Это будет нескоро. Ауха был умен, не поторопив предшественника, позволив ему угаснуть своей смертью. Заботясь о себе, Хаг поступит так же. Нужно следить лишь за тем, чтобы новый вождь не подрос прежде времени. Приглядываться к мальчишкам – полезно.

Будущие вожди выявляются на охоте, в дальних походах за вечно кочующими по тундре стадами низкорослых оленей с тупыми волосатыми рогами, в схватках с белым рычащим зверем – ужасом бесконечных зимних ночей на холодных зимовках у моря, в войнах с соседями. И, конечно, в ежегодных переселениях племени, ибо земли людей Болота велики, и опустошенная когда-то местность спустя десять зим вновь изобилует пищей. Молодой вождь заранее замечает тех, кто вскоре станет опасен, а мальчишки – вот дураки! – и рады стараться показать свою удаль.

Не прошло и двух лун, как племя, откочевав на юг по подтаявшей тундре, расположилось становищем в низкорослом лесу на краю болота и безбровый Гнук, самый сильный и умелый из молодых охотников, а потому и самый опасный, был послан к смуглым людям заката, называющим себя са-ам, чтобы указать новое место для меновой торговли, – авось сгинет где-нибудь по пути, избавив Хага от убийства. И теперь, лежа на плоту на мягкой подстилке, Хаг думал, что эта вылазка к пограничным холмам была затеяна им зря. Лям не Гнук. Из таких вырастают не соперники, а опора. И не зря старый Ауха многозначительно хмыкнул: уже по непуганой

дичи вблизи нового становища стало ясно, что люди Холмов не посягали на чужие земли по меньшей мере последние несколько зим. Не то присмирели, не то откочевали на полудень. По эту сторону холмов Хаг и Лям не нашли ни одного кострища, ни одного чужого следа.

Хмыкнул Ауха, но и только. Мудрый, он не решится спорить с сильнейшим, предпочтет спокойную старость. И он, Хаг тоже мудр. Но даже мудрые совершают мелкие ошибки.

Зряшная разведка. Даром потраченное время.

Впрочем, и спокойствие касательно намерений соседей кой-чего стоит...

Щеточка леса на горизонте едва была видна с холмов; теперь же пропала вовсе. Круглой путь по краю болота долог – вот и петлял целый день вместе с речкой, чтобы к вечеру достичь невысоких, поросших кривыми сосенками увалов, а там уже и до становища рукой подать. И дичи здесь нет. Всякий в становище знает, что Хаг ушел не ради охоты, но вернуться с пустыми руками – позорно. Разве что на каменистых отмелях ниже болота набить острой нежной рыбы?

Рыбой Хаг не отказался бы полакомиться прямо сейчас, но не здесь же, на глубине, на нее охотиться! А еще ему хотелось женщину. Хорошо бы черноволосую Моллу или зеленоглазую Гугу, но подошла бы и толстая Яйна или вообще любая женщина племени, по обычаям предков лишенная права отказать мужчине, если только не готовится родить со дня на день, и если месяц не в запретной фазе. В становище на баб иной раз и смотреть не хочется, особенно когда ссорятся, но стоит прожить холостяком столько дней, сколько пальцев на одной руке, как все мысли – только о них. Это как голод. Даже хуже голода.

На повороте речка ускорила течение, и Лям опять не справился. Вскочив на корточки и тут же пригнувшись, вытолкнув шест на всю длину, Хаг помог плотнику покинуть низко нависшие над водой заросли корявого лозняка и, оскорбленный болью царапин, со сдержанным рычаньем вlepил нерадивцу Ляму затрещину. Всего лишь в четверть силы, благодаря чему Лям устоял на закачавшемся плотике. Вполне достаточно для назидательного урока, и не надо никаких слов. Этот смолчит, только шмыгнет носом. С Гнуком, окажись он на месте Ляма, Хаг повел бы себя иначе.

Но, к великому удивлению Хага, тихоня Лям не смолчал:

– Там кто-то есть, – сказал он, оправдываясь, и указал рукой вбок, сквозь заросли, отчего опять едва не упустил шест.

Теперь и Хаг, прислушавшись, уловил отдаленный протяжный крик, пронесшийся над болотом. Крик показался странным. Так трубно и безысходно могло бы кричать очень сильное животное, попавшее в трясины, – но не олень с большими рогами и не старый самец лось. Конечно, такой крик мог бы издать человек, великий мастер производить ртом или пустой костью всякие звуки, – но откуда здесь, посреди болота взяться чужому человеку? Чужаки с юга зловредны, но не глупы.

– Там большой зверь, – шепотом уточнил Лям. – Он есть на острове, большой зверь. А на реке так есть, что его нет, зверя.

Хаг не ответил, но взялся за шест. Плотик пошел быстрее. Берега здесь были не особенно зыбкими, и разросшийся лозняк мешал смотреть вдаль. Речка описала плавный поворот, и в прогалине впереди опять показались холмы. Хаг знал эту излучину. Речка страшится болота, совсем как человек. Прежде чем протечь сквозь бездонные зыби она хочет еще раз увидеть место, где родниками пробилась на свет, и набраться храбрости.

Хагу был известен и остров, удобное место, чтобы отсечь от берега стадо оленей, забредшее туда на сочные травы. В одном месте речная петля подходила к острову на три броска копы. Поросшая клюквой и морошкой полоса кочкарника между берегом и островом, колыбалась под ногами, но выдерживала тяжесть и зверя, и человека. Когда племя в прошлый раз разбило становище у холмов, здесь по приказу Аухи была устроена большая охота. Еще не прошедшим посвящения юношей Хаг участвовал в ней наравне со всеми. Одна самка, обезумев от

криков охотников и рева истребляемых сородичей, в безумной попытке обойти загонную цепь кинулась прямо в топь. Тщетно ее пытались вытащить – не для мяса, его и без нее хватило на несколько дней пиршества, но потому, что никакое живое существо не должно находить свою смерть в трясине.

Никакое. С тех давних пор как добрые духи неба, враждуя с болотными духами, вынесли из топи двух первых людей и населили землю и воду всякими зверями для их пропитания, ни человек, ни зверь, живущие в краю болот, не должны тонуть. Умерших родовичей не опускают в топь – ищут для могилы место повыше и посуше, лучше всего круглый холм, земляной, поросший белым мохом с поверхности и ледяной внутри. Духи болота, покинутые людьми, не любят человека и мстят ему. Злобные и завистливые к тем, кто живет наверху, они пожирают тело и душу утопленника, рождая взамен несметные полчища жалящих насекомых. Поэтому ни один человек, рожденный на земле Болота, не оставит в трясине соплеменника, живого или мертвого; метнув кожаный ремень, попытается вытащить и угрызшего врага, умея добить его на сухом раньше, чем он вскочит на ноги. Но иногда люди все-таки тонут. Шесть зим назад случилась война с племенем Холмов, храбрый порыв людей Болота был остановлен многочисленностью соседей, сумевших защитить свое становище, и в ответном набеге немало чужих воинов перетонуло в бездонных «окнах», а то и просто в таких местах, где взбретет в голову увязнуть лишь тому, кто привык ходить по твердой почве. Вот потому-то и не переводятся полчища кровососов. А разве по осени и весне, когда лед обманчив, мало тонет всякого зверья?

Известно каждому: если по поздней весенней теплыни по многу дней обливаться потом, не снимая зимних шкур, то с приходом лета комарье будет отчаянно гудеть над головой, но не решится жалить. Пот должен хорошо перепреть на теле. Спасает и одежда из мягких кож, и едкий дым костров из лозняка и сухого ягеля. Хуже всего бывает в жаркие дни середины лета, когда духи болота, мечтая истребить весь человеческий род, затмевают свет небесного огня тучами мошки и мельчайшего гнуса. Тогда не спасают и костры, становище наполняется ноющим плачем детей, и оголенную кожу защищает кое-как лишь вызывающая зуд обмазка из глины, смешанной с растопленным салом оленя и перетертой кашицей особых трав, собираемых старухами. Легче, много легче вытерпеть прилипчивую чесотку, чем яростные атаки крылатой мелюзги! Зато и охота на оленей, обезумевших от укусов гнуса, бывает в такое время на диво легка и обильна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.